

Погружение в Бездну

12+

Юрий Корочков

Юрий Корочков
Погружение в Бездну

«Автор»

2022

Корочков Ю.

Погружение в Бездну / Ю. Корочков — «Автор», 2022

Середина XXI века, космическая гонка сверхдержав вступает в новую силу. Приближающаяся к Марсу американская экспедиция атакована ракетной платформой, оставшейся у планеты со времен холодной войны. Спасти людей могла бы новая экспедиция одной из сверхдержав, но управляемые искусственным интеллектом военные спутниковые группировки США атакуют все космические объекты на орбитах Земли Марса. Шанс на спасение остается один – задействовать оставшийся со времен СССР задел военной космонавтики, данные о котором хранятся в секретных архивах ФСБ.

© Корочков Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Гибель завоевателя	7
Глава 2 Стальные небеса	12
Глава 3 Знакомство	15
Глава 4 Вброс	19
Глава 5 Былое и думы	24
Интермедия 1 НАСА	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Корочков

Погружение в Бездну

Пролог

Раннее утро двадцать шестого декабря 1991 года было прекрасно: пока ещё не рассвело и степи не белоснежные, а глубокого синего цвета, ни огонька, лишь изредка слышен отрывистый лай собаки, пробегающей между рядами колючей проволоки. Но за колючкой тоже темно и тихо: беспокойные люди сегодня уgomонились, и вокруг старта не видно ни души. Не светятся окна, не ходят вечно что то не успевающие монтажники МИКа, и только если очень хорошо присмотреться в глубоких тенях кое где заметны застывшие часовые в полной боевой, да пробивается едва-едва слабенький лучик света из не вполне качественно затемнённого окна стартового бункера. Если смотреть совсем уж пристально, то можно заметить, что часовые сегодня необычные – это отнюдь не солдаты срочники, а матёрые профессионалы спецподразделения «Заслон» КГБ. Одеты они также, как обычные рядовые, но автоматы у них куда как совершеннее – опытные, ещё не принятые на вооружение, АК-101 с подствольными гранатомётами. На головах часовых, несмотря на мороз, шлемы с интегрированными системами связи и ноктовизорами. Гражданских сегодня на космодроме нет.

Вдруг стремительно начинает светлеть, небо наливается сиянием, по особенному вспыхивают последние звёзды... И тут над торчащим из под снега сухим ковылём раздаётся низкий, на грани инфразвука, рокот, степь на много километров заливают нестерпимо ярким сиянием запуска сверхтяжёлой ракеты. Снег вокруг стартовой позиции приобретает багровый оттенок, но рукотворный огонь не может поспорить с солнцем. Спустя несколько минут ничто не напоминает о локальном катаклизме, к которым местное население, впрочем, давно привыкло.

Тех, кто способен отличить сегодняшний старт от пуска привычного «Протона» заблаговременно устранили от полигона подальше. Кого-то срочно вызвали в столицу, одна семья, специалистов, пользующихся всеобщим уважением и любовью, накануне получила долгожданные ключи от новой квартиры и теперь милостиво отпущенные космодромным начальством друзья и знакомые новосёлов весело отмечали неожиданный праздник в новенькой девятиэтажке «точечно» построенной в окружении старых домов. Организовывавший внеплановое выделение жилплощади майор КГБ лично убедился, что старт отсюда не только не виден, но даже и не слышен.

Жёстче всего поступили с двумя давно выявленными шпионами. Работавший на ЦРУ инженер МИКа в этот вечер попал под мчавшийся без огней ЗИЛ. Машина была за полчаса до того угнана с городской стройки и брошена через несколько кварталов. Расследование милиции не принесло результатов – отпечатков пальцев в салоне не обнаружилось. Дело закрыли, написав, что машиной управлял неустановленный нетрезвый хулиган.

Ещё больше не повезло, если так можно высказаться о покойнике, сотруднику «Моссада» из радиоэлектронщиков, контролирующих телеметрию всех ракет. У Михаила Абрамовича Шпигельзона, проживавшего в собственном коттедже, могущем посоперничать с иными виллами Палм-бич, случился взрыв бытового газа. По счастливой случайности никто кроме хозяйки не пострадал, но труп владельца элитной недвижимости пришлось опознавать по коронкам на зубах. Замечания старого следователя, которому показались весьма странными некоторые следы, обнаруженные на месте происшествия, начальник райотдела милиции предпочёл не слышать.

На международной арене пуск тоже остался совершенно незамеченным. Потеря связи со спутником наблюдения, произошедшая за несколько минут до того, как он должен был выйти

в район советского космодрома не вызвала беспокойства у дежурного оператора в Центре имени Линдона Джонсона. На орбите болталось огромное количество мусора, к тому же и метеоритный поток ожидался... Да и не ожидал дежурный от Советов никакой подлянки – СССР на днях развалился, что бурно праздновали всем Центром почти неделю.

О сегодняшнем, вполне рядовом старте «Протона» русские заблаговременно предупредили, другие, правда находящиеся далеко для прямого наблюдения, спутники и наземные средства подтвердили старт, сигнал от выведенного спутника тоже появился в положенное время.

Руководству ЦРУ, Моссада и прочих разведок было не до потери парочки старых агентов – их приёмные были буквально заполнены «инициативными гражданами» рухнувшей «Империи зла», жаждавшими немного подзаработать на оптовой распродаже известных им секретов. Сотрудники «русских» отделов не спали уже неделю в безуспешных попытках обработать рухнувший на них вал информации. В общем, всё было в порядке.

Нервничали в эту ночь почти исключительно в подмосковном Краснознаменске, где расположен военный ЦУП. Ответственный за операцию по спасению самого совершенного космического корабля планеты генерал Иваненко со своими ближайшими помощниками не смыкали глаз несколько суток, отслеживая не только эволюции корабля на орбите, но, главное, малейшие признаки потери секретности. Уйти от планеты своими силами «Буран» мог, но тогда не оставалось шансов на его возвращение, и для обеспечения невиданной операции пришлось осуществить ещё несколько пусков с Плесецка. Несколько суток вся операция висела буквально на волоске, пока на высокой, далёкой от обычных, орбите проходили стыковочные операции. Наконец, всё было готово.

Через три дня после старта, когда стало ясно, что все системы корабля отработают штатно, «Буран» набрал вторую космическую скорость и устремился к внешним границам системы, в подмосковном Краснознаменске вздохнули свободнее. Дежурная смена всё это время состояла исключительно из сотрудников спецотдела КГБ, что не было такой уж большой редкостью. После получения информации об отделении разгонных блоков, руководитель отдал команду на перевод систем корабля в автономный режим.

Теперь оставалось последнее – команды на корабль поступали с отдельно стоявшей потрёпанной машины БЭСМ-6. Специальная команда техников Комитета быстро сняла с неё блоки оперативной и долговременной памяти, после чего с помощью незамысловатых кувалд превратила раритет в груды металлолома. Та же участь постигла в этот день и все другие уцелевшие машины данного типа.

Теперь, после старта «Бурана» и уничтожения последних элементов системы управления, ещё остававшихся на планете, единственным ключом к самой засекреченной космической программе уже несуществующей державы остались две катушки магнитной ленты и стопка перфокарт, надолго отправившиеся в архив организации, официально не существующей к тому моменту уже более двадцати дней...

Спустя почти десять лет, когда возникла опасность разоблачения подмены «Бурана», официально так и стоявшего на космодроме в далёкой Казахской степи, под обломками внезапно рухнувшей крыши монтажно-испытательного комплекса стало поздно искать правду, да никому этого и не позволили, пусть государство и было уже другим. А стопка перфокарт ещё долго пылилась в самом дальнем углу архива некогда всемогущей организации, пока...

Глава 1 Гибель завоевателя

«Конкерор» приближался к планете. Сидящий в кресле первого пилота Джон Гленнован заспанными глазами смотрел на появившийся неделю назад в иллюминаторе красноватый шар, в который превратилась маленькая звёздочка – цель их путешествия. До посадки оставались ещё сутки, и неплохо было бы поспать, но он не мог заставить себя покинуть рубку.

Шесть месяцев пути вконец вымотали экипаж. Все трое, несмотря на тщательно разработанные программы психологов по поддержанию здорового климата в замкнутом коллективе, тихо ненавидели друг друга. Включение в состав женщины в угоду гендерному равенству вконец обострило обстановку. И вовсе не потому, что мужчины соревновались между собой за женское внимание! Нет! Не будет слишком смелым допущением сказать, что оба мужчины мечтали тихонько придушить госпожу главного представителя Пентагона, но они боялись. Самое же главное – ни у одного из троих астронавтов уже не оставалось сил даже на полноценный сон – на транквилизаторах сидели все. Но теперь, когда Цель близка, силы появятся! Да и личные разногласия на время отходят на второй план. Сейчас, совсем скоро, начнётся главное в их жизни дело, навсегда вносящее их имена в историю. Глупо всё загубить из-за мелких личных трений. Перетерпим – терпели и не такое! Похоже, Америка снова оставила в дураках остальное человечество и именно им суждено войти в историю!

«Господь, покровительствующий Америке, вручил именно ей священную миссию руководства человечеством, и новый успех НАСА покажет всем возомнившим о себе выскочкам, за кем на самом деле сохраняется технологическое и интеллектуальное превосходство» – говорил им напыщенные напутствия лично президент. Каким же олухом надо быть, чтобы поверить в этот бред! Но ведь поверили, и не только поверили, но уже, практически и осуществили!

Это был далеко не первый полёт Джона, и он по опыту знал, что без сложностей такие мероприятия не проходят, но суровая действительность полёта превзошла худшие ожидания: Бортовой реактор исправно обеспечивал работу электрореактивных двигателей, но, увы, их и только их – замкнутый контур, с параметрами электропитания, совершенно неподходящими ни для одной из других систем! По странной причуде конструкторов, ориентированных скорее на выполнение «экологической повестки», чем на реальные нужды дальнего космоса, питание жилой зоны должно было осуществляться от независимых и «экологически чистых» водородных топливных элементов.

Расход водорода в этих элементах превысил норму на 45% даже с учётом того, что температуру на борту поддерживали на уровне 12 градусов. Но этого мало! На прошлой неделе вышел из строя главный бортовой компьютер, собранный «исключительно из деталей отечественного, американского производства», и теперь корабль управлялся с помощью резервного. Но насколько его хватит?! А ведь без компьютера невозможно рассчитать корректирующий импульс маршевого двигателя. Значит, весь полёт стоит под угрозой – при возвращении они могут банально промахнуться мимо Земли.

Ну и напоследок – вчера приказал долго жить основной бортовой сортир, и теперь в распоряжении экипажа остался лишь тот, что в посадочном модуле. Несмотря на предусмотрительную запасливость руководства (видимо знавшего о недоработках в системе ассенизации), перспектива на обратном пути после отстрела посадочного модуля чуть ли не год ходить в подгузниках вызывала стойкое бешенство!

Из состояния задумчивости Джона вывел штурман Майк О'Хиггинс. Этот жизнерадостный рыжеволосый здоровяк, потомок ирландских эмигрантов, не забывших своей национальности, напомнил командиру о необходимости подготовиться к третьей коррекции курса для выхода на низкую орбиту. Времени оставалось совсем немного.

– Всем занять свои места и пристегнуться, через 12 минут включаю корректирующие двигатели.

– Ок, шеф! – Отозвался Майк, после чего хитро подмигнул своему отражению в маленьком зеркальце, приклеенном на двусторонний скотч в самом углу пульта астронавигатора, и ловко сделал длинный глоток из неизвестно как появившейся в его руке плоской никелированной фляжки. Майк терпеть не мог, когда к нему подкрадывались из-за спины, и теперь небольшие осколочки прихваченного с Земли зеркала украшали все постоянные места обитания штурмана.

Коррекция орбиты, конечно, была давным-давно просчитана и перепроверена ещё миллион раз, но волнение не проходило: ошибка в пару микросекунд работы двигателя или всего в несколько сотых стерадиан угла установки дюз могла дорого обойтись экипажу. Майк задержал дыхание.

Вот, впервые за несколько месяцев, загудели насосы главного двигателя, нагоняя в камеру сгорания жидкий водород из основного бака. Вот прошло зажигание и отвыкшее от притяжения тело ощутило такой приятный дискомфорт. Всего несколько секунд, пока мир, вновь обретший такие понятия как верх и низ, стремительно вращался, меняя траекторию движения так, чтобы выйти на низкую марсианскую орбиту, и всё. Двигатель с каким-то глухим сиплым призвуком отключается, пропадает сила тяжести, и для Майка настает ответственная пора. Не промахнулись? Насколько точно вышли на орбиту? Что по запасам топлива? Удалось сэкономить, или, напротив, и тут ставший уже обычным перерасход? И если да, то насколько? Хватит вернуться на родную планету? Вопросы вопросы вопросы... нет им числа, а ответить может только он – штурман и бортинженер Майкл О'Хиггинс.

Третья, или вернее, третий член их экипажа, представительница Пентагона Кондолиза Хэйли, по обыкновению промолчала, не считая для себя возможным общаться с гражданами, да ещё и мужчинами. Убеждённая феминистка и лесбиянка считала это ниже своего достоинства. Нельзя сказать, что Кондолиза совсем не страдала от фактического отсутствия общения. В глубине души ей хотелось, чтобы капитан проявил к ней благосклонное внимание. Подтянутый Джон, тёзка её любимого литературного персонажа – лорда Джона Рокстона, имел благородное лицо аристократа, очень напоминающее иллюстрации к «Затерянному миру» Конандойла. Ах, если бы он рассмотрел за грубой, нахальной личиной ту растерянную девочку из хорошей семьи, которая попала в социальный приют после смерти родителей в катастрофе!

Выжить в немыслимых условиях приюта могли только сильнейшие! Но даже они, как правило, выходили в мир отягощённые наркотической или алкогольной зависимостью, и судьба их была печальна. По статистике, добивались успеха в жизни менее половины процента выпускников социальных приютов. Но уж эти спуску не давали никому! Прошедшие огонь и воду, они зубами готовы были перегрызть глотку любому, стоящему на их пути. Жесточайшая школа естественного отбора выпускала абсолютно беспринципных, и, притом, чрезвычайно умных и изворотливых выпускников, которым были чрезвычайно рады на государственной службе, где почти все ответственные посты, требующие настоящей работы, были заняты именно подобными людьми. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря таким, как Кондолиза, мальчикам и девочкам Америка не утратила статуса великой державы.

Но капитан, выросший в тепличных условиях благополучной и богатой семьи, увидеть в Кондолизе девушку не мог по определению! Это злило, и заставляло представительницу Пентагона быть ещё грубее, чем обычно. А ещё она подозревала капитана в связи со штурманом. Понятие крепкой мужской дружбы, столь естественное в иной среде, было абсолютно недоступно Кондолизе, с самого раннего детства усвоившей главное правило приюта – умри ты сегодня, а я завтра. Там-то естественными были совсем иные «понятия». Считалось за достоинство добиваться своих целей любыми, самыми грязными способами. Предательство, обман и подставы, грозящие долгой и мучительной смертью, окружали детей со всех сторон. Они уже

просто не могли поверить, что могут существовать отношения, в которых нет лжи и беспринципного использования одного партнёра другим.

Если бы в экипаже сложились нормальные товарищеские отношения, катастрофы могло и не случиться. Девушка поделилась бы с командиром своими инструкциями по линии Пентагона, и тому, вполне возможно, удалось бы отговорить подчинённую от совершения роковых поступков, смысла и последствий которых она не понимала и сама. Но в сложившихся обстоятельствах Кондолиза не собиралась обсуждать с командиром свои собственные инструкции, полученные перед стартом от руководства министерства обороны.

Выйдя из рубки управления, Кондолиза просто молча заняла своё место в кресле, установленном в персональном, закрытом для доступа остальных членов экипажа, отсеке корабля и ровно через 3 минуты 42 секунды после выключения корректирующего двигателя, перекинула никак специально не отмеченный тумблер в третьем ряду расположенного перед ней пульта управления.

Именно эти её действия и привели к катастрофе. По команде с пульта запустился резервный бортовой радиопередатчик, передавший команду на приведение военной орбитальной группировки США в системе Марса в состояние полной боеготовности. Одновременно включился бортовой ответчик «свой – чужой».

По замыслу стратегов Пентагона, долгие годы направлявших сюда военные корабли, замаскированные под исследовательские спутники, эти действия капитана ВВС США Хэйли должны были обезопасить экспедицию от конкуренции русских и китайцев, которые могли попытаться если не опередить Америку, то учинить какую-нибудь гадость. Да и вообще, так было безопаснее, ведь даже в случае провала миссии «Конкерора», видеть завоевателями красной планеты кого-либо кроме себя в Белом доме не собирались.

Главная проблема заключалась в том, что сигнал на перевод системы в военное положение должен был поступить с маломощного ненаправленного передатчика «Конкерора». Не то, чтобы его нельзя было отдать с земли, но при этом была высока вероятность перехвата сигнала противником, или, ещё хуже, собственной группировкой спутников. Ведь в своё время не позаботились выделить для марсианских аппаратов особой командной системы, и теперь они управлялись точно так же, как их собратья на орбите матушки земли. Военные консервативны, и структура сигнала высшей степени военной тревоги не менялась десятилетиями. Последствий же от активизации боевого режима околоземной космической группировки не мог предсказать никто.

В расчёты стратегов закрался всего один неучтённый фактор, но именно он привёл к цепи фатальных событий. Неучтённым, да ни по каким, самым сумасшедшим прикидкам и не требующим учёта, фактором стала запущенная в далёком 1975 году автономная ракетная платформа. Оснащённая ядерным источником энергии и новейшей, по тем временам, системой искусственного интеллекта, платформа долгие годы выполняла роль банального ретранслятора сигналов космической связи между планетами. Почти никто из тех, кто пользовался её услугами для установления связи с чисто научными аппаратами, находящимися в районе Марса, даже не подозревали о подлинной сущности этого «ретранслятора». Его считали не более чем простеньким спутником, оснащённым мощными солнечными батареями да парой радиопередатчиков с системой точной настройки антенн.

Платформа стала гордостью разработчиков. Она намного перекрыла заложенные сроки эксплуатации. Главный инженер проекта получил законное продвижение по службе, а сама платформа послужила прототипом подобных изделий, служащих и сейчас. Спустя несколько лет сигнал с платформы закономерно исчез, и она была сочтена окончательно вышедшей из строя.

Никто не мог и подумать, что столкнувшийся с нехваткой энергии от истощившегося реактора искусственный интеллект платформы просто законсервировал оборудование, отклю-

чив почти все функции, но сохранив дежурный режим приёма команд. Сейчас, когда приёмник уловил сигнал общей боевой готовности, не менявшийся военными более полусотни лет, главный компьютер отдал команду на расконсервацию части военного оборудования. Тест реактора был провален, и энергия к бортовому радару и пусковым установкам ракет «космос – космос» начала поступать от резервных серебряно-цинковых аккумуляторов, все эти годы подзаряжавшихся от солнечных батарей платформы.

Активировавшийся на платформе радар обзора космического пространства обнаружил корабль через две секунды после включения, после чего данные цели были переданы в автономные головки самонаведения твердотопливных ракет. Поскольку антенна ответчика «свой – чужой» на древнем спутнике была сбита микрометеоритом в далёком 2007 году, то, согласно жестокой логике разгара холодной войны, любая цель становилась врагом.

Ничего не подозревающий «Конкерор» двигался к своей судьбе. Сближающиеся курсы сильно облегчили наведение, и залп четырёх ядерных ракет произошёл спустя всего 39 секунд после пробуждения древнего спутника. Твердотопливные ракеты не требуют длительной подготовки к пуску. По своей природе они гораздо проще жидкостных. По сути, это просто цилиндры, набитые горючим составом и снабжённые реактивным соплом. Тягой такой ракеты нельзя управлять, раз зажжённая, она уже не может быть остановлена и использована повторно, но... но она может десятки, если не сотни лет лежать и ждать своего часа! В ней нет множества сложных движущихся деталей, выход из строя каждой из которых неизбежно ведёт к срыву пуска.

И сейчас простые, но эффективные и крайне надёжные технологии в очередной раз доказали право на жизнь. Ни одна ракета из боезапаса платформы не пропала! Все четыре благополучно прошли тестирование систем, во всех сработало зажигание, и все четыре хищные сестры устремились к целям с интервалом менее трёх секунд. Ещё две минуты понадобилось ракетам, чтобы достичь цели.

Две минуты по меркам современного боя большой срок, а экипаж корабля был укомплектован настоящими профессионалами в своём деле. Состоящий из орбитального корабля, не имеющего возможности совершать посадки на планеты, и посадочного модуля «Конкерор» нёс ещё и пару маневренных космических истребителей последней модели, в рубке одного из которых как раз и располагалась Кондолиза.

Мгновенно оценив ситуацию, она отдала команду на экстренный отстрел спускаемого модуля и своего истребителя, рассчитывая, что маленький кораблик ускользнёт от врага, занятого более значимыми целями. Кондолизу при этом совершенно не волновала судьба товарищей, обреченных заживо сгореть в рубке основного модуля. Именно так она всегда поступала, научившись этой жестокой практике в социальном приюте. Кондолиза даже не попыталась выйти на связь! Предсмертные крики бывших товарищей, которых она уже похоронила, были ей неинтересны.

Главным было личное спасение в данный момент, вторым – проблема возвращения на землю на крошечном истребителе. Потому, после отстрела собственного «Хорнета», она даже не попыталась сбить одну из ракет или выпустившую их платформу, а отдала единственный приказ на расчёт гравитационного манёвра в поле планеты, который позволил бы её малышу истребителю почти без затраты топлива выйти на обратный курс к Земле. Почти не маневрирующий ради экономии топлива истребитель начал тихо удаляться от своего носителя.

Логика, заложенная в систему распределения целей древних ракет, была проста как табуретка. Главная, наибольшая по размерам, цель поражается минимум двумя боеголовками, далее в приоритетах представляющие основную опасность маневрирующие цели независимо от их размеров, остальное по способности. Согласно этой логике орбитальный блок «Конкерора» был поражён двумя боеголовками с килотонными ядерными зарядами, оставшиеся две ракеты

устремились на перехват «Хорнетов», а не проявлявший активности посадочный модуль был проигнорирован.

Жизнь Джону и Майку, успевшим вскочить в рубку второго имеющегося на борту истребителя за минуту до того, как орбитальный модуль «Конкерора» настигли ракеты, спасла их собственная нерасчётливость. В то время, как начавший плавно маневрировать, экономя драгоценные капли топлива, истребитель Кондолизы был буквально сметён мощным ядерным ударом, второй «Хорнет», резко маневрирующий на ручном управлении опытного пилота НАСА, сумел уклониться от идущей встречным курсом ракеты достаточно, чтобы выжить. Однако шансов вернуться на Землю в потерявшем всякую связь с внешним миром покалеченном близким ядерным взрывом кораблике не было никаких.

– Что это за хрень, Джо? – были первые слова Майка после того, как угасли ослепительные сполохи четырёх ядерных солнц.

– Спросил бы что поумнее, Майк, а ещё лучше, доложи-ка мне, сколько рентген мы с тобой хапанули – это ж были натуральные ядерные ракеты, а прилетели они, сдаётся мне, вон с той милой ракетной платформы, что болтается в 30 градусах слева по курсу.

– Докладываю, слава конструкторам «Хорнета»!... Ну и космосу с его скоростями и расстояниями, а также отсутствием ударных волн. Мы схватили по паре рентген – весьма неприятно, но прямо сейчас не смертельно, однако корпус фонит, и оставаться в корабле я бы не рекомендовал, иначе через недельку никто не возьмётся наши останки хоронить – слишком они будут радиоактивными.

– Ну и какие варианты?

– Пока ты уводил «Хорнета» из-под атаки, а потом приходил в себя, я успел увидеть, что наш посадочный модуль уцелел и работает в соответствии с экстремальной программой. Значит, не далее, чем через шесть часов он осуществит посадку. Посадка, как ты понимаешь, нештатная, и насколько модуль отклонится от расчётного района одному Богу известно. Так что я рекомендовал бы как можно скорее и нам с тобой засечь, куда же его несёт. Ты знаешь, что в модуле, да ещё и не разгруженном перед посадкой, можно вдвоём протянуть почти год, так что шансы у нас есть. Русские и китайцы готовят свои экспедиции всего на несколько месяцев позже нас. Так что не будем долго болтаться в космосе – на нашей лоханке это вредно для здоровья, тем более, что, учитывая состояние внешних антенн, мы не можем даже послать сигнал бедствия.

– Ну что ж, штурман – веди! Только постарайся не ошибиться и сесть поближе к модулю – что-то меня не тянет просто так гулять по гостеприимному Марсу, особенно с нашими-то запасами кислорода.

– Да уж без тебя знаю! Как раз рассчитываю курс на посадку.

Глава 2 Стальные небеса

Информация о ракетной атаке американского корабля на орбите Марса, поступила на Землю быстро – запись телеметрии и достаточно качественное видео транслировал один из выведенных на орбиту спутников Пентагона. Вот только оценить обстановку и предпринять хоть какие-то действия на планете не успел никто – пока люди ещё только обдумывали полученную информацию, решение принял искусственный интеллект, которому «в целях повышения скорости ответа» давно делегировали значительные полномочия. Анализ полученной информации занял на центральном серверном узле пентагона три сотых миллисекунды, после чего, согласно протоколу, людям было предложено принять адекватные меры противодействия.

Дежурный диспетчер компьютерного узла, когда перед ним появилась заставка с предложением немедленно начать полномасштабную ядерную войну растерялся. Он не предпринял вообще никаких действий за отведённые ему системой десять секунд, после чего был сочтён недееспособным. С этого момента люди упустили ситуацию из под контроля.

Достаточно разумные программисты, писавшие соответствующие сценарии, не выполнили требование заказчика о безусловном нанесении по всем противникам превентивного ядерного удара. Всё же, сочли эти здравые программисты, подобное решение должен принимать человек. Потому доступ к ядерной триаде был для «Стратега», как звали главный ИИ Пентагона, закрыт. Но и помимо ядерных ракет, в его распоряжении оставалось более чем достаточно средств для «поддержания национальной безопасности. И «Стратег» отдал приказ на активацию и перевод в полностью автономный режим своего «младшего» брата – контролирующего космос «Уравнителю».

Размещённый на тяжёлой орбитальной платформе «Уравнитель», в подчинении которого находились все военные и значительная часть гражданских спутников США, получив сообщение о ракетном нападении и карт-бланш на любые действия, немедленно «принял меры».

Первым делом ударами расположенных на орбите лазерных комплексов была сбита ракета «Ангара», стартовавшая в тот момент для вывода на орбиту нового телекоммуникационного спутника. Обломки ракеты, взорвавшейся над акваторией тихого океана, серьёзно повредили катарский супертанкер «Джейш аль Ислами», возвращавшийся порожняком из Японии. Только это обстоятельство предотвратило масштабную экологическую катастрофу.

Практически одновременно были нанесены удары по орбитальным группировкам России и Китая. Гражданские спутники этих держав перестали существовать в считанные минуты, в то время как военные сумели дать адекватный отпор, и на орбите всё сильнее разгоралась схватка роботизированных военных аппаратов, а на поверхности медленно разгоралась паника.

Военные и политики трёх держав лихорадочно прятались в ядерные убежища и пытались связаться друг с другом, одновременно отдавая приказы подготовить ядерные удары. Руководство США заявило, что ядерная триада подконтрольна правительству, но Белый дом немедленно ответит ядерным ударом любой стране, с территории которой будет произведён хоть один пуск. Вообще же, всем разумным странам рекомендуется подчиниться временному военному положению и выполнять любые требования во избежание «Мгновенного глобального удара». Фондовые биржи США взлетели до небес – ведь уничтоженные спутниковые группировки остальных стран означали ни много ни мало, как монополию на спутниковые телекоммуникационные услуги! Таких шансов в истории ещё не было!

На совещании в российском генштабе настроения царили далеко не оптимистические. Национальная спутниковая группировка практически прекратила существование. Малочисленные военные автоматические станции смогли дать достойный ответ на внезапное массированное нападение, но сила солому ломит. Военных спутников у России было на два порядка меньше, чем у США, и они были уничтожены в течение нескольких часов.

Сердце российской военной космонавтики, ударный лазерный комплекс «Скиф» продержался под ракетной атакой вообще всего три минуты, успев уничтожить пять находящихся в зоне прямой видимости малых ракетных платформ. Счёт был неравным – малые платформы камикадзе не шли ни в какое сравнение с мощным многофункциональным комплексом. Небо над полюсом озарилось яркой вспышкой взорванного прямым попаданием ректора «Скифа». Малые разведывательно-ударные аппараты побарахтались чуть дольше, но было ясно, что часы их сочтены. Так и получилось. Уже к середине совещания из Краснознаменска поступило сообщение о потере контакта с последним военным спутником.

Почти аналогично дела обстояли и у китайцев. И если количественно аппараты Поднебесной могли сравниться с американцами, то эффективность ударных систем оказалась у этих сторон несопоставимой. В скоротечных схватках выяснилось, что даже мегаваттные лазерные системы, установленные на российских и китайских военных спутниках, не могут эффективно бороться против защищённых новейшим противолазерным покрытием американских коллег. Напротив, американцы использовали устаревшие, запрещены всеми странами для использования из-за высокой вероятности загрязнения орбиты осколками, но чрезвычайно эффективные противоспутниковые ракетные системы, эффективной защиты против которых просто не существовало. Последний китайский спутник был сбит облаком шарикоподшипников боевой части американской противоспутниковой ракеты «Авангард» через четыре часа после начала инцидента. Российских спутников к тому моменту не было на орбите уже сорок минут.

В Генштабе царило уныние. Ясно было только одно – подчиняться американским требованиям нельзя ни в коем случае! Ведь подчинение грозило не только репутационными потерями – полное господство в космосе давало главному потенциальному противнику весомое стратегическое преимущество, которое, зная авантюризм и склонность руководства США решать любые проблемы наиболее грубыми силовыми методами, могло привести к глобальной ядерной войне и уничтожению всего живого на планете. С другой стороны, к аналогичным последствиям мог привести и военный ответ.

Всё же, после консультаций с китайскими коллегами по синхронизации действий, решили использовать тот фактор, что Белый дом переложил ответственность на искусственный интеллект. Правда, немедленно инициировав международное расследование по факту атаки на «Конкерор» со стороны ВКС России и Китая. На согласование позиций двух государств и выработку плана совместных действий ушли сутки. Ещё неделя ушла у военных на подготовку к адекватному ответу. А вот потом. Потом президент России и Председатель ЦК КПК сделали совместное заявление, и эйфория бывшего «мирового гегемона», уже решившего, что час возвращения былого могущества настал, закончилась.

Вообще, умные люди в Вашингтоне почти сразу сообразили, что ситуация складывается не самым лучшим образом, и грозит для страны потерей остатков суверенитета. Именно поэтому и было сделано заявление, что руководство США не несёт ответственности за самопроизвольные действия Искусственного интеллекта, «забыв» о возможности этот самый «интеллект» банально отключить. Но именно это заявление и развязало противникам США руки.

Ну а эйфория не слишком умной, но привыкшей переть к цели, сметая всё со своего пути политической «элиты», составлявшей более половины конгресса и сената, длилась ровно до прочтения заявления президента России. Лидеры России и Китая в весьма убедительной грубой форме призывали руководство США воздержаться от необдуманных действий, пока свободное человечество не освободится от опасности в виде неподконтрольной глобальной военной системы в космосе, нарушающей все международные договорённости о демилитаризованном статусе космического пространства. Одновременно в послании содержались убедительные (для всех, кроме США) доказательства, что причиной гибели «Конкерора» стала как

раз американская ракетная платформа, что неопровержимо следует из последних полученных с Марса сообщений.

Пока в овальном кабинете лихорадочно решали, как именно поставить на место возмнивших о себе шавок, и не стоит ли превентивно ударить десятком мегатонн по Москве, чтоб остальным неповадно было, из Пентагона пришёл срочный доклад о том, что связь с центральным искусственным интеллектом орбитальной группировки потеряна, а по всему пространству России, Китая и ряда ближневосточных стран, равно как и из акватории мирового океана отмечены множественные запуски. Правда, запуски никак не тянут на МБР, однако, по мнению командования, это лишь отвлекающий манёвр, чтобы насытить систему противоракетной обороны ложными незначащими целями. Следующая волна настоящих баллистических ракет может остаться и без ответа, потому на первые пуски ответа не последовало, но теперь необходимо политическое решение.

Не успел президент со своим кабинетом переместиться в оперативный центр стратегического командования, как последовал новый ошеломляющий доклад – большая часть низкоорбитальных спутников разведки и связи уничтожена массированным ракетным ударом средств ПВО противника, которые оказались способны достигать целей в космосе. Неконвекционные ракеты с осколочно-фугасной боевой частью оказались и у противников!

Потеряна связь с 30% высокоорбитальных военных космических аппаратов, через которые осуществляется управление космической группировкой. В том числе перестали отвечать все 13 спутников, на которых располагалась основная и дублирующая инфраструктура главного искусственного интеллекта, отвечающего за космос, действия которого как раз и пытались выдать за самовольные. По некоторым признакам можно предположить массированное применение противником боевого лазерного оружия, расположенного на земле. Никакая защита не могла спасти от мощных стационарных лазеров, запитанных от глобальных энергосистем великих государств. На такое американцы никак не рассчитывали! Это было не по правилам! Более того – это была катастрофа!

В Кремле, однако, не спешили праздновать победу. Заявив на весь мир об устранении ужасной угрозы со стороны взбесившегося компьютера США, не так просто было отмыться от обвинений в атаке на «Конкерор». Сделать это можно было лишь одним способом – организовать спасательную экспедицию на Марс и добыть вещественные доказательства непричастности России. Однако во время боевых действий на орбите Земли образовалось огромное количество космического мусора, обломков спутников и боевых частей зенитных ракет – все три космические верфи великих держав пришлось эвакуировать, а почти готовые к старту российский и китайский внутрисистемные транспорты, превосходившие «Конкерора» во всём, кроме времени постройки, были уничтожены роями рукотворных метеоритов. Небо над Землёй на долгие годы стало стальным куполом, в котором лишь на короткие промежутки открывались относительно безопасные для старта проплешины.

Глава 3 Знакомство

Майор Варламов возвращался домой. Рейс к окологрунтовому телескопу «Тихо Браге» получился скучнейшим. В целях всемерной экономии топлива лететь пришлось с гравитационным торможением в поле тяготения Луны, да и предстоящая посадка по баллистической траектории была тем ещё удовольствием: кто не садился на Землю на «Союзе», врубаясь в атмосферу пылающим болидом со второй космической скоростью и перегрузками в 6-8 единиц, не поймёт! Но на «управляемый» спуск руководство «Роскосмоса», как обычно, не расщедрилось. Увы, но руководство корпорации считало лётчиков второго отряда космонавтов, в списках которого значился Варламов, людьми также второго сорта.

О них не писали газеты, не снимались фильмы и вообще об их существовании мало кто знал, хотя всякий мог догадаться, что кроме «белой кости космонавтики»: экипажей космических станций и лайнеров, просто обязаны быть и простые «рабочие лошадки». Вторым отрядом космонавтов занимался рутинным обслуживанием космических объектов – ремонт, профилактическое обслуживание, модернизация оборудования многочисленных автоматических, а порой и обитаемых платформ. И главным в деятельности этого подразделения «Роскосмоса» была экономика. И уж эта экономика была экономной в высшей мере! Старты только на самых дешёвых ракетах, часто вовсе без резерва топлива, полёты исключительно по наиболее энергетически выгодным траекториям. Ни грамма «лишнего» веса в полёте – только минимально необходимое для поддержания жизнедеятельности космонавта и выполнения миссии. А уж на чём летали!

Самым популярным кораблём отряда являлся «Союз-Л» – модернизированный в частично-многообразный, способный донести одного космонавта до лунной орбиты и вернуться старичок «Союз». Условия обитаемости на таких кораблях никогда не отличались комфортом, а после последней модернизации и вовсе стали почти невыносимы, поскольку теперь практически весь объём кабины занимали топливо и груз, предоставляя в распоряжение космонавта фактически пилотский ложемент и минимальное место для работы с грузом. И всё это при зарплате космонавта втрое меньше, чем в первом отряде!

Алексей решил – этот рейс будет для него последним в «Роскосмосе»! Его давно приглашали вернуться в ВКС: там принимали на вооружение первые орбитальные истребители «Север», и была нужда военных лётчиков, имеющих опыт космических полётов. Машинка, по слухам, получилась хорошей, с возможностью полётов даже и на лунную орбиту, так что служба обещала быть интересной. «В конце концов, не одни же козлы сидят на генеральских должностях, может на этот раз мне повезёт!» – думал Алексей, поудобнее устраиваясь в тесной кабинке.

Корабль шёл через радиационный пояс, и Варламов думал, как хорошо было бы засунуть в «Союз» и прокатить до Луны вот по такому вот маршруту гениальных менеджеров корпорации, больше пекущихся о сбережении сотни килограмм топлива, чем здоровья космонавта. Скучное финансирование периферийных космических программ заставляло экономить на всём, потому в стандартной полётной программе был зашит оптимальный маршрут с приземлением на Мадагаскаре. При таком курсе корабль проходил практически через кольцо геостационарных спутников, что и было сочтено охранной программой, включившейся в боевой режим спутниковой группировки США, за попытку нападения.

Современный космический бой мало напоминает сюжет из «звёздных войн» – для мощных лазерных установок необходимо слишком много энергии, что абсолютно неприемлемо в условиях питания бортовых сетей от солнечных батарей. Да и последние разработки в области противолазерных покрытий неплохо защищали от маломощных космических установок. Поэтому такое оружие несли исключительно крупные боевые платформы, оснащённые реак-

торами, способными обеспечить накачку по-настоящему мощных лазеров. К примеру, такой платформой являлся центральный узел космической обороны США, фактически представлявший собой обитаемую, но достаточно большую орбитальную станцию, оснащённую собственным бортовым реактором, обеспечивающим не только надёжное энергоснабжение управляющего искусственного интеллекта, но и несколько лазерных батарей ПКО. А вот рядовые спутники похвастаться подобными системами не могли. Несмотря на международный запрет на применение кинетического оружия на орбите Земли, именно таким, неконвекционным оружием и были оснащены почти все американские спутники «второго эшелона». Всего несколько лёгких твердотопливных ракет класса «космос-космос» делали практически любой телекоммуникационный спутник грозным оружием почти без издержек, и устоять против искушения применить именно такой подход к обеспечению «национальной безопасности» в Пентагоне не смогли.

На счастье Варламова, маршрут союза пролегал вдали от основных комических трасс, и он попал в зону ответственности обычного спутника двойного назначения, на вооружении которого для самообороны находилась всего пара устаревших ракет спейсуиндер.

Корабль «Союз – ТЛМ-34» отличался от своих многочисленных орбитальных предшественников главным образом модифицированной силовой установкой с увеличенным запасом топлива и усиленной теплозащитой, позволяющей приземляться со второй космической скоростью не совершая сложных орбитальных манёвров. Заплатить за такие возможности пришлось, как водится, немало – дополнительный вес обеспечили максимально примитивная система управления и сокращение экипажа до одного космонавта. При крайне низкой зарплате, политикой корпорации была вербовка в ряды второго отряда лётчиков-неудачников, по той или иной причине покинувших ряды ВКС, но имевших необходимый для управления примитивной техникой налёт и опыт ручного управления аэрокосмической техникой в сложных ситуациях.

Майор Алексей Варламов был именно таким человеком. Сразу после окончания лётного училища судьба забросила его на Дальний Восток, где буквально через месяц молодого лейтенанта ждало крещение огнём. В краткосрочной, но чрезвычайно интенсивной войне с Китаем, решившим, что настала пора вернуть свои «исторические земли» в Сибири, Россия отстояла свою целостность, но стоило это немалой крови с обеих сторон. Семьдесят шестая отдельная истребительная эскадрилья, в которой служил Варламов, потеряла в той войне, вошедшей в историю как «трёхдневная», более половины личного состава и 70% техники.

В своём четвёртом боевом вылете, уходя из-под удара передвигного комплекса ПВО «Красное знамя 115», на позиции которого они с ведущим неожиданно выскочили над своей территорией, лейтенант Варламов впервые встретился с Космосом.

В тот день они с ведущим майором Гоцеридзе должны были нанести удар по расположенному недалеко от линии фронта замаскированному командному пункту противника. Оба истребителя по такому случаю имели по 4 тяжёлых ракеты повышенного могущества X-250. Они ещё только шли к району пуска ракет, когда автоматика истребителей пробила сигнал о внезапной массивной ракетной атаке.

Времени, чтобы спастись, у пилотов практически не было. Понимая, что они обречены, майор Гоцеридзе даже не попытался уклониться от ракет противника. Он спокойно направил истребитель к новой, только что обнаруженной цели и выпустил по установке все свои ракеты. Самолёт ведущего превратился в груды обломков спустя полсекунды после того, как с его пилотов сошла последняя ракета. Но досталось и китайцам: «Красное знамя» перестало существовать и второго залпа не последовало. Собственно, именно это и спасло от неминуемой смерти Варламова.

Алексей, уходя от преследования пары отведённых ему зенитных ракет, бросил свой СУ-75 в крутое пике. Выровняться удалось у самой земли, с двадцатикратной перегрузкой, зато и одна из преследовательниц не справилась со сложным управлением и врезалась в скалы. На

максимальном форсаже обоих основных двигателей Варламов устремил «Сушку» вверх. Когда на 40 километрах полностью пропала тяга ТРД, лётчик задействовал в качестве дополнительных ускорителей все 4 подвешенные под крыльями тяжёлые ракеты воздух-земля.

Вообще говоря, запуск двигателей ракет без схода их с пилонов строжайшим образом запрещался должностной инструкцией, но лётчики давно обнаружили нештатную возможность на пару секунд увеличить тягу в экстренной ситуации. Сейчас отчаявшийся лейтенант использовал не пару секунд, а все 30 из 45, отпущенных ему конструкторами до самоуничтожения ракет.

Итог таких действий пилота стал для изучавших данный бой специалистов большой неожиданностью: зенитная ракета, преследовавшая истребитель, отстала, выработав всё топливо, когда «Сушка» забралась на 150км, фактически выйдя в космическое пространство по крутой баллистической траектории.

Жизнь пилоту спасли высотный антиперегрузочный гермокостюм и автоматическая система катапультирования, сработавшая, когда неуправляемый самолёт с потерявшим сознание пилотом и заглухшими двигателями вошёл в атмосферу. Спустя десять секунд после катапультирования пилота, СУ-75 был подорван системой самоуничтожения.

Вышедшего из госпиталя и получившего внеочередное звание старшего лейтенанта тихо списали из ВВС – война к тому моменту закончилась, а высокое начальство, не обратившее внимания на разведанные, и пославшее пару истребителей на убой, предпочло задвинуть неведомо как выжившего лётчика куда подальше. Вину за провал миссии возложили на погибшего майора Гоцеридзе, якобы нарушившего полётную инструкцию и отклонившегося от маршрута.

Промыкавшись без работы пару месяцев, оставшийся не у дел лётчик решил попытать счастья в космосе. Оказалось, что устроиться в Роскосмос не так и сложно. Правда, придя в офис госкорпорации, Варламов с удивлением узнал от кадровика, что все должности в основном отряде космонавтов были заняты на много лет вперёд «потомственными» космонавтами и их протеже. Так что единственное, что мог предложить сидящему перед ним лётчику клерк, была должность лётчика так называемого «технического» корабля.

Не знавший тонкостей предлагаемой работы, Варламов с радостью согласился и не глядя подписал кабальный контракт на три года. Очень скоро выяснилось, что космонавты бывают очень разными, и Алексей попал в самое низшее их сословие. Почти никто из его коллег, кроме нескольких одержимых космосом, да двоих отчаянных адреналинщиков, которых привлекал именно риск полётов на безумно устаревших и плохо обслуженных кораблях, не собирался продлевать контракт. Но и расторгнуть его раньше времени не решался никто – слишком уж жёсткими были прописанные там санкции: вплоть до конфискации всего движимого и недвижимого имущества и отправку на принудительные работы на урановых рудниках в уплату неустойки и потерянной выгоды.

Так вот, Алексей очень быстро обнаружил, что под эвфемизмом «полёты на техническом корабле» подразумевались полёты в одиночку на предельно разукomплектованных «Союзах», зачастую с вторично используемыми в нарушение всех и всяческих инструкций спускаемыми аппаратами. При всём том полёты, как правило, совершались на высокие геостационарную и геосинхронные орбиты, либо вообще к Луне, для технического обслуживания дорогостоящих космических сооружений.

Определяющим для Алексея при приёме на работу стал тот факт, что при зачислении во «второй» отряд космонавтов он оставался на военной службе, более того, числился на военном положении с ускоренным производством чинов и выслугой лет. Без службы Алексей своего существования не мыслил. На самом деле этот пункт ввели как раз, чтобы иметь возможность применять наиболее жесткие штрафные санкции, аргументируя в суде законом о дезертирстве. Но то, что было минусом для других, послужило одним из немногих плюсов для Алексея.

Сейчас его старый кораблик впервые столкнулся с реальным врагом. Компьютер спутника легко распознал цель – устаревший маломаневренный транспортник семейства «Союз» – и выпустил свои ракеты с максимальной дистанции догонным курсом, не предполагая сопротивления и опасаясь исключительно разлёта обломков.

Именно это обстоятельство позволило майору Варламову второй раз в жизни выкрутиться из смертельной ситуации. Страдая от скуки и подчиняясь неискоренимому инстинкту лётчика-истребителя, Алексей рассматривал пролетающий рядом спутник. Подготовку к пуску ракет опытный космонавт заметил ещё на этапе предварительного прогрева их двигателей, после чего рассуждать стало поздно – далее всё решали выдержка и профессионализм пилота. Вот как раз их-то Алексею было не занимать. Подпустив ракеты поближе, «Союз», пользуясь своей форсированной силовой установкой, резко отработал маневровыми двигателями, уходя с курса. Устаревшие ракеты, израсходовавшие почти всё топливо, чтобы догнать быстро удаляющийся кораблик, не были способны совершать столь резкие манёвры. А потом Алексей добавил и импульс маршевого, окончательно уходя из-под атаки не ожидавшего такой прыти от старого кораблика спутника.

Подрыв выработавших топливо ракет уже не мог причинить далеко ускользнувшему кораблику никакого вреда, но вот уход с курса при весьма ограниченном запасе топлива был чреват серьёзными осложнениями, вплоть до невозможности вернуться на Землю.

Только уйдя из-под ракетной атаки, Алексей вышел на связь с ЦУПом и, наконец, узнал, что происходит в космосе. К сожалению, порадовать его с Земли не смогли – топлива в баках осталось всего ничего, а кораблик неумолимо смещался в область полярных орбит.

С одной стороны это было неплохо – любое сближение с любым объектом теперь было чревато непредсказуемыми последствиями, а на полярных орбитах спутников имелось всё же поменьше. Однако никто не отменял вопроса посадки. В конце концов, приняли решение сажать «Союз» «рикошетом» от атмосферы – для такого манёвра по хорошему требовался детальный расчёт и соответствующая программа, само собой отсутствующая на разукomплектованном кораблике, но другого выхода просто не было – иначе «Союз» уходил на высокие орбиты, либо сгорал в атмосфере.

На седьмом витке низкой орбиты, куда он добрался, по каплям тратя топливо под руководством Земли, в районе южного полюса Алексей включил ТДУ и от «Союза» отделился спускаемый аппарат. Все расчёты производились в ЦУПе и передавались на борт обычной голосовой связью. Выдерживать режим полёта требовалось с точностью до двух десятых секунды, лётчик предельно устал, но выхода уже не оставалось – до ответного удара ПКО России и Китая по спутниковой группировке оставалось чуть более сорока минут.

Войдя в атмосферу под острым углом, спускаемый аппарат не нырнул в неё, как это происходит обычно, а отрикошетил обратно в космос подобно брошенному в воду камню, и помчался на предельно низкой орбите на север. В районе средиземного моря Алексей повторно включил ТДУ и «Союз» обгорая в мгновенно образовавшемся плазменном облаке, пошёл на посадку на бескрайних просторах Сибири.

Спустя неделю, когда лётчик добрался до Москвы из-под Салехарда, его уже ждали.

Глава 4 Вброс

Совещание в Роскосмосе с представителями администрации президента проходило трудно. Да и как иначе, если президент категорично потребовал организовать спасательную экспедицию на Марс для спасения американцев, а возможностей для такого полёта в корпорации не видели.

На совещании присутствовали представители от внешней разведки, министерства обороны, ФСБ и других заинтересованных ведомств. Заместитель главы службы внешней разведки Генерал Захаров продемонстрировал запись расшифрованного перехвата переговоров НАСА с выжившими астронавтами. Получалось, что, если им удастся пройти пешком сотню километров до посадочного модуля, то Джон Гленнован и Майк О'Хиггинс смогут продержаться на планете чуть больше года и, возможно, даже взлететь в район низкой орбиты, однако без шансов возвращения на Землю. Марс большая планета и для подъёма каждого грамма на орбиту нужно слишком много топлива, потому взлетать предполагалось на крошечном модуле с минимальным запасом кислорода и питания для двухсуточного пребывания на орбите, стыковки и полёта домой на базовом корабле. Запись заканчивалась обещанием Земли отправить спасателей выручить парней, однако по лицу Джона Гленнована было видно, что он не особо верил начальству.

Далее генерал сообщил, что его службой получена информация о подготовке скоординированного дипломатического наступления на Россию и Китай со стороны стран Запада и их союзников с целью обвинить их в неспровоцированном нападении на экспедицию «Конкерора» и последовавшие непоправимые бедствия. Целью такого натиска должны стать международная изоляция геополитических противников и подрыв их экономики путём наложения санкций и взыскания контрибуций. В качестве доказательной базы приводятся выборочные фрагменты телеметрической информации «Конкерора», свидетельствующие об атаке ядерными ракетами с ракетной платформы не отвечающей на запрос ответчика «свой-чужой». Ну а раз на запрос ответчика ответ не получен, то «хайли лайкли» виноваты русские, и, возможно, китайцы. Никто другой не смог бы, да и не стал, а этим представителям «оси зла» очень уж хотелось сорвать триумф американской космонавтики, пусть и таким, вполне бесчеловечным способом.

– Нам необходимо ваше экспертное мнение, Виктор Фёдорович, как скоро американцы смогут организовать экспедицию по спасению своих астронавтов с планеты, и как нам получить доказательства нашей невиновности до того, как они подчистят в системе Марса все следы. – закончил речь генерал.

– Ну, начнём с того, что спасти американцы никого не собираются, – ответил генералу глава Роскосмоса Виктор Фёдорович Старинцев. Пройти на Марсе пешком более сотни километров, имея только носимые запасы воздуха и пищи, да ещё и в лётной экипировке, а специальной планетарной у них в «Хорнете» не имеется, невозможно в принципе. Однако экспедицию американцы организуют всенепременно – именно чтобы замести следы: уничтожить ракетную платформу, и сфабриковать улики о нашей, якобы, причастности. Проблема в том, что все три низкоорбитальные верфи уничтожены, а технологии создания кораблей на высоких орбитах никто не обрабатывал. Да и космодром на мысе Канаверал находится в крайне неблагоприятных условиях для пуска через облака космического мусора. Теоретически, с использованием носителей сверхтяжёлого класса, американцы смогут через год стартовать от Земли на упрощённом корабле, не рассчитанном на посадку на Марсе.

– А каковы наши возможности их опередить? – вступил в беседу начальник пятого спецотдела ФСБ Степан Панкратьевич Данилевский.

– Фактически никаких, уважаемый Степан Панкратьевич. – ответил Старинцев. Мы испытываем ровно те же проблемы, что и американцы, но, на самом деле, наше положение ещё

хуже. Наш единственный межпланетный корабль уничтожен вместе с верфью, а если говорить о создании упрощённого облегчённого образца, отправки на высокую орбиту его модулей и сборки там... как минимум два–три года при полном напряжении сил. Увы, но промышленные мощности у нас пока существенно уступают американским, да и технологический задел несколько иной – нам придётся создавать корабль с нуля, а США могут просто модернизировать «Конкерор».

Китай мог бы справиться за год. Вот только я очень сомневаюсь, что они горят желанием спасти «белых обезьян». Куда интереснее понаблюдать, что там и как у нас с американцами получится, потихоньку выходя на ведущие позиции. Тем более главные обвинения звучат отнюдь не в их адрес. Да, все спутники в системе Марса тоже перестали выходить на связь и, скорее всего, уничтожены нашими заокеанскими коллегами.

– Китай можете не рассматривать. – вмешался генерал Захаров. – Они сейчас ведут переговоры с Америкой, чтобы обелиться и подставить в качестве козлов отпущения исключительно нас с вами. Да и продавать оборудование тем же Штатам куда выгоднее, чем тратить миллиарды на полёт с сомнительными шансами.

– Господа, а я вот слышал, что у нашего корабля ядерный реактивный двигатель. Не может это нам помочь опередить американцев? У них-то силовая установка «Конкерора» электрореактивная, с гораздо меньшей тягой. – вставил слово генерал Данилевский.

– Ядерную установку должен был иметь наш «Пионер». И, слава Богу, мы сумели после атаки доставить её обломки на высокую орбиту! Но сейчас, в условиях непредсказуемых облаков мусора, вывод тяжёлого ядерного блока на орбиту фактически невозможен, тем более у нас просто нет носителя необходимой грузоподъёмностью в 100 тонн на геостационарной орбите. Мы можем вывести достраивающийся блок «Пионера-2» только на низкую, предельно опасную орбиту. В глубоком космосе находится прототип «Пионера» с ядерным двигателем «Змей Горыныч», но он сейчас в районе Юпитера, и идти ему сюда год. Да и то, при условии удачной заправки рабочим телом для реактора на Европе. К тому же корабль беспилотный и с уже изрядно потрепанным реактором. Наши эксперты полагают, что вероятность возвращения «Змея» настолько ничтожна, что её не стоит даже принимать во внимание.

– То есть вы, господа, расписываетесь в собственном бессилии. – резюмировал генерал Данилевский.

– Увы, но так, уважаемый Степан Панкратьевич, «Федерация» для полёта к Марсу слишком мала – отправить то мы её отправим, а вот вернуться, да ещё с тремя космонавтами (это если мы оставим одного нашего пилота), она точно не сможет. – подытожил Старинцев. Так что астронавты обречены. Ищите дипломатические пути дискредитации американцев, а нам стоит направить усилия на восстановление уничтоженной инфраструктуры, что в новых условиях займёт не один год и даже десятилетие.

– А как с наследием советской марсианской программы? Нам известно, что подготовительные мероприятия велись весьма тщательно.

– Ну, Степан Панкратьевич, это просто несерьёзно! Прошло более полувека после распада Союза! Что вам известно, кроме красивых сказок? Я, руководитель Роскосмоса, и то не знаю ничего заслуживающего внимания о советском марсианском проекте, так что кроме халтурных бумажных проработок, сделанных для отписки за освоённые деньги, и нескольких неудачных пусков маленьких спутников ничего там и не было!

– Игорь Витальевич, доложите, пожалуйста. – спокойно сказал Данилевский после импульсивной речи Старинцева.

Из угла кабинета появилась невысокая, но ладно скроенная фигура в строгом сером костюме. Этому, никому из присутствующих, за исключением конечно Данилевского, незнакомому человеку на вид можно было дать и пятьдесят и шестьдесят лет, но молодые блестящие глаза говорили об огромной жизненной силе их обладателя. То, о чём поведал собравшимся

Игорь Витальевич Мосин, сперва было воспринято как неумная шутка, потом как бред отчаявшихся профанов, но под конец его предложение было признано крайне рискованным, но заслуживающим внимания.

Доклад Мосина растянулся на долгие два часа и был неоднократно прерываем собравшимися. В середине 1960х годов для руководства страны стало ясно, что СССР практически неизбежно проигрывает США лунный этап космической гонки. Главным фактором, предопределившим неудачу, было распыление выделенных на космонавтику средств и развернувшаяся острая конкуренция как между промышленностью и военными, так и между родами вооружённых сил. Промышленность в лице ОКБ-1 Королёва регулярно саботировала программу военных исследований космоса и срывала все планы ВВС.

Пока был жив Королёв, проблему ещё удавалось держать под контролем, поскольку курирующему военную космонавтику генералу Каманину удавалось за счёт личных связей продавливать необходимые решения. Так, несмотря на ожесточённое сопротивление промышленности, была осуществлена программа «Восход».

Но после смерти Главного ситуация обострилась. Василий Мишин, занявший место Королёва в ОКБ-1 в результате закулисных интриг и вопреки прямой воле военных, отказался достраивать почти готовую серию из пяти кораблей «Восток», сумел загубить находившийся в высокой степени готовности военный корабль «7К-ВИ», игнорировал разработки Глушко и Челомея. Два года в Союзе вообще не осуществлялось пилотируемых полётов, в то время как Америка уверенно шла к посылке астронавтов на Луну.

И тогда в ситуацию вмешалось КГБ. Аналитики Комитета просчитали, что в лунной гонке СССР уже не победить, и нужно помочь стране вырваться вперёд в битве за Марс. Силы и средства были заново перераспределены под руководством вновь созданного особого отдела КГБ. ОКБ-1 занялось заведомо бесперспективной попыткой догнать Америку в лунной гонке, военные создавали необходимые им долговременные орбитальные станции и ракетно-космические самолёты, и нигде, ни одним словом не упоминалась конечная цель – подготовка экспедиции на Марс. Стране нужна была пауза, чтобы получить фору перед новым витком противостояния.

Конечно, всевозможные проекты озвучивались с самых высоких трибун, но... все они были заведомо неосуществимы, и США успокоились, решив не вкладывать миллиарды долларов на совершение быстрого прорыва. Там тоже начали готовить полёты неспеша. Чтобы дополнительно подтвердить миф о технологической отсталости Союза и, в то же время подготовить в районе Марса необходимую инфраструктуру, к планете был направлен целый ряд экспедиций, результаты которых официально объявлялись провальными. Ещё ряд пусков прошёл вообще без официального их объявления.

В реальности, к началу перестройки была создана небольшая, но функционирующая орбитальная группировка, позволившая собрать о планете весьма полные данные, обеспечивающая связь из любой точки планеты, а самое главное, имеющая возможность оказать помощь экспедиции путём доставки запаса ресурсов к произвольному месту.

Для большей скрытности система управлялась с борта космической станции «Салют-7» и только в те моменты, когда дальняя связь не могла быть запеленгована потенциальным противником. Сама экспедиция должна была состояться в нулевых годах 21 века, на базе носителя «Энергия» и кораблей с ядерной силовой установкой.

Далее, как вы знаете, наступила перестройка и развал СССР. Последнее, что удалось сделать особому отделу КГБ, это спасти инфраструктуру и обеспечить тайну – «Салют-7» был затоплен после подачи сигнала на глубокую консервацию всех аппаратов в районе Марса.

Сейчас мы не имеем возможности дистанционно реактивировать систему – для этого необходимо физически подтвердить полномочия доступа путём предъявлении соответствующего ключа на центральном узле системы, находящемся на высокой марсианской орбите. Да,

это стыковка с аппаратом, который ещё предстоит найти, но после неё в распоряжении наших людей появятся связь и ресурсы.

– Да что за бред вы несёте?! – В очередной раз взорвался Старинцев. – Найти в дальнем космосе давно отслуживший своё спутник, и ради чего?! Ради мифических ресурсов давно сгнившей космической группировки! Не порите горячку! Если и лететь к Марсу, то для реального спасения астронавтов! И единственная стыковка, которую, кстати, будет чрезвычайно трудно, но возможно осуществить, это стыковка с их взлётным модулем! Да, кстати, господа! В свете открывшихся фактов, не просветит ли на уважаемый Игорь Витальевич, не было ли среди отправленных к Марсу аппаратов ракетной платформы с ядерным боезапасом? Вот оборонные то штучки Совдепия делать умела на славу! Пожалуй, подобная платформа единственное, что могло с тех пор уцелеть в функциональном виде. Так что американцы, возможно не столь уж неправы в своих обвинениях! А нам теперь за тупых ватников отдуваться!

– Отвечаю не по порядку, но по смыслу, – спокойно, с лёгкой усмешкой продолжил Мосин. Нет, ракетных платформ к Марсу отправлено не было. Наши предки готовили мирную экспедицию и груз ядерных ракет им был ни к чему. Зато на спутниках имеется большое количество сублимированных продуктов в особо защищённых от проникающей радиации контейнерах, запасы воды, кислорода и регенерирующих патронов системы жизнеобеспечения на несколько лет для экспедиции из 10-12 человек. Вы понимаете, что снять подобные запасы вполне возможно даже с нефункционального спутника, а доставка их с Земли потребует куда больших издержек, нежели затраты на маневрирование на орбите.

И потом, мы ведь говорим об этой группировке именно как о подстраховке, дающей нам больше шансов на успех. Конечно, в основном, штатном варианте наш банально фотографирует останки уничтожившей «Конкерор» платформы, подбирает американцев и летит к Земле.

Вообще, разговор не о спутниках! Функциональность орбитальной группировки неизвестна, врятли высока, но зато есть детальные проработки использования корабля типа ТКС для отправки экспедиции по облёту планеты. Причём проработки эти подтверждены в реальных беспилотных полётах.

– ТКС давно устаревший утиль! Изначально неудачный проект! И в приемлемые сроки воссоздать этот хлам невозможно! – вновь не выдержал глава Роскосмоса.

– Ну отчего же, Виктор Фёдорович? – с очаровательной улыбкой, за которой было видно неприкрытое презрение к чинуше-казнокраду, ответил Мосин. – К слову, ТКС единственный корабль, все без исключения пуски которого прошли успешно. Не сравнить с вашими детищами вроде «Орла». Впрочем, если ваша фирма не в состоянии воссоздать ТКС, то разговор не имеет смысла. Увы.

На этом встреча фактически завершилась. Поспорили, покричали друг на друга учёные, а силовики, сказав веское слово, больше и не вмешивались. Никто из присутствующих, включая Старинцева, так и не понял, зачем вообще лишние на подобном совещании «чекисты» отняли у них время глупой лекцией из истории давно несуществующей станы. Неужто и вправду хотели послать космонавтов на ржавом корыте из времён палеолита?! Почему построенный заново с применением всех новейших технологий корабль должен быть «ржавым корытом» никто из них тоже не задумался – таково уж сознание, привыкшее к мышлению штампами, особенно вбитыми в детстве, прошедшем под знаком «демократии и декоммунизации».

На следующее утро начальнику управления информационной безопасности ФСБ лег текст перехвата сообщения агента ЦРУ «Винни». Агент докладывал, что у русских нет возможности в ближайшее время отправить экспедицию к Марсу: «Пионер» полностью уничтожен, но его силовая установка выведена на орбиту захоронения и не представляет опасности. «Змей Горыныч» в районе Юпитера и с высокой долей вероятности будет потерян при попытке дозаправиться в атмосфере Европы. Во исполнение указа президента возможно строительство корабля типа ТКС и отправка его к Марсу с одним космонавтом. Орбитальная группировка

России у Марса уничтожена, имеющиеся законсервированные спутники не могут быть реактивированы. Прочтя шифровку, генерал не скрыл довольной усмешки, промелькнувшей в его бороде. Вчерашняя встреча определённо удалась.

Глава 5 Былое и думы

Посадка прошла в целом неплохо, учитывая плачевное состояние «Хорнета». Первым делом Джон и Майк выгрузили из покалеченного кораблика запасы кислорода, еды и воды, протянули максимально длинный силовой кабель, и вышли через спутник на связь с командованием.

Рекомендации Хьюстона были в общем стандартными: держаться и ждать помощи, которая незамедлительно последует. По тону офицера связи Джон понял, что «незамедлительно» грозит растянуться надолго. Нужно было как можно скорее покинуть место посадки и направляться к модулю, где у них с Майком оставался призрачный шанс на возвращение домой. Но отправляться сразу тоже было нельзя – оба астронавта смертельно устали. Требовался хотя бы один день на то, чтобы отдохнуть и хорошо собраться в долгий и сложный путь. Но и лишнего времени у ставшего радиоактивным истребителя проводить не стоило. Решили отдохнуть ночь и выдвигаться поутру, а пока, за несколько часов до заката, собраться в путь. Самое главное – демонтировали с истребителя и установили на тележке аварийную химическую регенерационную систему, позволявшую не расходовать драгоценный носимый запас кислорода в скафандрах. Взяли с собой и недельный запас воды и продуктов, а больше им было и не поднять даже в условиях пониженной марсианской гравитации.

Первый неприятный сюрприз ждал астронавтов, как только они попытались определиться со своим местом. Приёмник сигналов системы GPSM, развёрнутой к их прилёту, выдал сообщение об ошибке связи с большей частью спутников. У Марса отсутствует собственное упорядоченное магнитное поле, и теперь надежда была только на приводной радиомаяк посадочного модуля, который, слава Богу, прослушивался достаточно чётко.

Весь вечер ушёл на сборы, и космонавты изрядно утомились. На ночлег решили устроиться подальше от истребителя, расположившись прямо на песке. Спать в скафандрах на жёстком грунте не самое большое удовольствие, но уж лучше так, чем получить пару десятков лишних рентген.

Проснувшийся первым Майк О'Хиггинс любовался необычайным зрелищем марсианского рассвета, когда в наушниках его шлемофона раздался неуловимо знакомый голос на достаточно чистом английском языке, в котором, тем не менее, ощущался определённый акцент.

– Здорово, Майк! – произнёс весёлый голос, в котором так и чувствовалась насмешка. – Если по голосу не узнал, вспомни дуэль. Я тут немного в курсе ваших с Джоном проблем и хочу помочь. Вы когда к модулю подходить будете, сразу внутрь не забирайтесь, выберете местечко в укрытии метров за 500, и доложите через станцию модуля, что притопали. Надеюсь ошибиться, но боюсь, будет на что посмотреть. Больше сейчас ничего сказать не могу, сам понимаешь.

Внезапно возникшая связь столь же внезапно прервалась. Джон продолжал мирно спать, а Майку вдруг стало совсем не до окружающих красот. Он вспомнил год стажировки в центре имени Хруничева в России. Тогда он, молодой учёный, занимающийся проблемами астронавигации, близко сошёлся со своим коллегой Иваном Беловым. Сперва, Иван произвёл на Майка скорее неприятное впечатление, но уже спустя пару дней выяснилось, что оба они больны историей освоения космоса и способны до хрипоты спорить о достоинствах и недостатках тех или иных технических решений, применённых конструкторами прошлого. Не менее волнителен для обоих был и вопрос о возможных путях развития космонавтики, которыми она могла бы пойти в случае реализации той или иной программы.

Апогеем спора стала дуэль. В духе времени дуэль проходила в виртуальном пространстве. Майк пилотировал «Дайнасор» в его последнем одобренном варианте, Иван же отстаи-

вал честь отечественной конструкторской мысли на несостоявшейся по вине межведомственной конкуренции и прямого саботажа проекта со стороны занявшего пост Королёва Василия Мишина «Звезде – 7К-ВИ».

По условиям оба корабля стартовали со своих космодромов и встречались на орбите. Поддержка наземных служб отсутствовала. Проигравшим считался тот, кто первым уйдёт на посадку, либо будет уничтожен. Пилоты ввели условия поединка в главный компьютер системы управления тренажёрным комплексом ЦУПа и...

Жара, навалившаяся на майора ВВС США Майка О'Хиггинса, после того, как он вышел из автобуса у стартового стола на мысе Канаверал ударила по голове как кувалда. Непривычный тяжёлый скафандр сковывал движения, а возвышающаяся неподалёку громада сверкающей полированными боками ракеты «Титан III-C» с пристыкованным орбитальным самолётом подавляла архаичной величиестью. Ракета была не окрашена – краска весила бы несколько сот лишних килограмм, что для американской космонавтики тех лет представлялось весьма серьёзной дополнительной нагрузкой. Потому борта ракеты, вручную отполированные до зеркального блеска, сияли как солнце.

Подъём в кабину не занял много времени, а вот предстартовая подготовка растянулась на добрых два часа – два часа нервного ожидания схватки и лихорадочного изучения корабля. Пульт управления подавлял бесконечным количеством приборов и управляющих подсистемами корабля всевозможных тумблеров, рычажков и переключателей! Установленный на корабле бортовой компьютер не столько помогал пилоту, сколько отвлекал бесконечными сообщениями о собственных неполадках и необходимости обслуживания. Майк даже заподозрил злонамеренных русских в намеренной дискредитации передовой американской техники, но потом вспомнил отчёты о полётах «Аполлонов» и признал свою неправоту. В общем, два часа на подготовку к старту оказались совсем не лишними.

Но вот, наконец, отсчёт – десять, девять, восемь, семь... три, два, один, пуск... Перегрузки при старте «Титана» оказались куда резче, чем при старте на современных ракетах, хотя по абсолютной величине и не столь велики. Разделение ступеней прошло успешно, и вот он космос. На секунду Майк отвлёкся на ни с чем не сравнимое по красоте зрелище космического восхода, но тут же одёрнул себя – не до того, впереди схватка.

Тренажёр есть тренажёр – поиск цели не занял много времени, и уже спустя 15 минут на примитивном экранчике бортового локатора появилась засечка цели. Майк решил реализовать своё главное преимущество – пристыкованная к кораблю специализированная ракета-буксир «Аджена» давала ему приличную фору по манёвру, а управляемые ракеты класса «Космос – космос» – по вооружению. К тому же, у него был лучший радар. Набрав высоту в 1600км «Дайнасор» устремился в атаку на не проявляющую активности «Звезду».

Оказалось, что попасть по маневрирующей цели ракетой образца 60х годов не так просто. «Звезда», совершив резкий манёвр, легко вышла из-под атаки, а Майк обнаружил, что лишился половины скудного боезапаса и теперь уже ему грозит быть буквально перерезанным очередями скорострельной русской пушки.

Зрелище разворачивающейся к нему носом «Звезды», окутанной сполохами реактивных струй двигателей коррекции, произвело на штурмана, вообразившего себя истребителем, неизгладимое впечатление. Майк решил реализовать ещё одно преимущество американского космолёта, и, расстыковавшись с «Адженой», бросил «Дайнасор» в атмосферу. Неспособная на подобные фортели «Звезда» была обречена.

К удивлению пилота, советский космолёт даже и не подумал бросаться вслед за ним в пучины плотных слоёв атмосферы, но, дав резкий реактивный импульс, устремился к одному ему ведомой точке. Поделать Майк уже ничего не мог. Теория атмосферных прыжков не допускала маневрирования на данном этапе траектории, потому пилоту оставалось только гадать, куда же убежал русский.

Ответ на все свои недоумения Майк получил уже спустя двадцать минут, когда «Дайносор», подобно камешку в воде, отрикошетив от плотных слоёв атмосферы снова устремился в космос. Истерично заверещал радиолокатор задней полусферы. Из мёртвой зоны стремительно выплывал объект, расстояние до которого было уже менее километра, раздался скрежешущий рваный звук, и... Майк обнаружил себя перед монитором, на котором застыла картинка горящего разваливающегося на куски космического истребителя.

Как потом за кружкой пива объяснил ему Иван, решение о совершении атмосферного манёвра стало его главной ошибкой. Траектория «Дайнасора» легко была просчитана, и «Звезда» спокойно подкараулила беззащитную жертву на выходе из атмосферы.

И вот теперь тот же голос, необъяснимо возникший здесь, на Марсе! Откуда? Впрочем, откуда ясно – спутники над планетой есть не только американские. Русские вполне могли выйти на связь, хотя, уже заходя на посадку, Майк и видел, что между различными аппаратами на орбите началась самая настоящая война. Но это и объяснимо – американская военно-космическая группировка не могла оставить без ответа уничтожение собственного космолёта. В победе своих соотечественников Майк не сомневался, но мог же уцелеть хоть один чужой спутник! Так что в самой по себе связи ничего удивительного не было. Главное – слова русского космонавта.

И как отнестись к этим словам? Если к катастрофе «Конкерора» причастны русские, то зачем им предупреждать выживших? А если не причастны... Тогда почему молчит собственное начальство? Причём, исходя из смысла намёков Ивана, готовится некая гадость с модулем, а тогда им конец, даже если они выживут в момент нападения. И как это вообще возможно? Орбитальный удар, по типу того, который уничтожил базовый корабль? Это что же – получается, что система тотально оккупирована русскими, а мы всё пропустили?

Верилось с трудом. Майк отлично знал, сколько запусков к Марсу совершило НАСА, а сколько русские и китайцы. Даже если допустить, что все чужие спутники были военными, а наши только наполовину, то и тогда соотношение сил не оставляло врагам шансов. Да и исправная связь с командованием говорит сама за себя. А ещё Майк отчётливо помнил мелькнувшую в иллюминаторе «Хорнета» всего на мгновение, но оставшуюся в памяти навечно старую, избитую микрометеоритами ракетную платформу, до боли напоминающую в основных частях образцы подобного рода систем от «Боинга». Скорее уж похоже, что их сбила собственная устаревшая платформа, на которой отказали системы «свой – чужой».

А вот тут, похоже, есть зерно истины. В овальном кабинете могли решить воспользоваться ситуацией и разменять их жизни на краткосрочный политический успех. С политиканов станется! И они с Джоном стали опасными свидетелями, которым как можно скорее предстоит стать жертвами «злых русских». При таком раскладе судьба их решена – русские при всём желании не помогут, а свои достанут и на Марсе.

В любом случае, жить хотелось до дрожи, и спасибо Ивану за дарованную им отсрочку. Может русские подгонят вой «Пионер»: по слухам на ядерном движке им лететь всего месяц. Вообще странно, что ни русские ни китайцы пока не предложили своей помощи. В нормальной обстановке правительстве США не имело оснований отказать от двух готовых межпланетных кораблей для спасения астронавтов, когда у себя в загашнике нет ничего. Избиратели не поймут такого псевдопатриотизма. Майк окончательно решил принять предупреждение русского всерьёз и, в то же время, пока ничего не говорить Джону.

Спустя час, загрузив запас регенерационных патронов и прочие припасы на малый разведывательный марсоход, астронавты двинулись в нелёгкий путь. Впереди ждали сотня километров бездорожья с перспективой получить ракетный удар на подходе к цели.

Интермедия 1 НАСА

Арсений Рубанов старался от греха подальше не вспоминать своё имя. Вот уже 27 лет он был для окружающих Грегори Пинчером, рано потерявшим родителей выходцем из бедной семьи иммигрантов, всего добившимся своими трудами. Его не раз приводили в пример того, что Америка – страна возможностей, забывая добавить, что такие, как Грегори, были редчайшим, уникальным исключением в обществе, где от связей зависело почти всё.

Иногда Арсений думал, что и дома, за далёким океаном не осталось никого, кто знает его настоящее имя – те, кто готовил юношу к нелёгкой судьбе нелегала, давно в могиле, а для нынешних руководителей разведки он известен под оперативным псевдонимом Петя Чемоданов. Да и много ли их, знающих? Когда мальчик только проходил подготовку, ему сообщили, что знать о нём всё будет только куратор, а ещё двое – о факте его существования и где взять ключ к восстановлению связи в случае гибели куратора. За многие годы куратор у «Пети» сменился только один, и это было хорошо – показывало, что агента ценят и берегут.

В современном цифровизованном мире тотального контроля действовать таким как он, настоящим нелегальным разведчиком стало крайне сложно. Но оттого работа немногих избранных, к которым принадлежал и Арсений, стала ещё более ценной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.